

Прибаутка как явление русской народной речи (В добавление к теориям паремий и клише)

Статья предлагает уточнения к принятым в филологической науке теориям паремий и клише. Делается попытка дать развернутую характеристику прибаутки, определив ее место среди других устойчивых единиц народной речи. Статья иллюстрирована материалом, собранным в ходе диалектологических экспедиций по Тульской области.

Ключевые слова: языковая устойчивость; паремия; клише; семантика; форма; оценочность; ирония.

Dmitrii A. Romanov

Humorous Saying as the Phenomenon of Russian Folk Speech (in Addition to the Theory of Proverbs and Clichés).

The article offers the detailing for accepted in philological science theory of proverbs and clichés. The attempt to define the humorous saying among other fixed expressions of folk speech is made. The article is illustrated of the material collected during the dialectological expeditions across the Tula region.

Key words: language stability; proverb; cliché; semantics; form; evaluativity; irony.

В ходе диалектологических и фольклорных экспедиций по Тульской области в разное время и неоднократно обнаруживались пограничные между сферами лингвистики и фольклористики явления — рифмованные ответные реплики, реактивные высказывания на произнесенное собеседником конкретное слово. Часть этих единиц не носит специфически тульского характера, а является широко распространенным явлением народной речи. Сравнительно небольшая группа локализуется регионально. Речь идет о единицах вроде: *Тепло — Из носа потекло; Красивая — Как кобыла сивая; Молодец — Против ягнят да овец, а против другого молодца сам овца; Жарко — Приедет Макарка на новой тележке, на новой кобылке; Значит — Пристяжная*

скачет, коренная не везет; Бывает — И у девицы муж умирает, а у вдовицы живет; Мать — Три деньги дать и под.

Попытки анализа собранного разговорного материала приводят к возникновению закономерных вопросов: Каков статус этих единиц в лингвистике (паремиологии) или фольклористике? Каковы характерные признаки данных единиц? Насколько они распространены среди носителей языка? Есть ли другие фиксации идентичных или подобного рода единиц?

Ни один из названных вопросов не имеет четкого ответа в специальной литературе по общей фразеологии, паремиологии, фольклористике и лингвофольклористике. Один из наиболее авторитетных современных фольклористов В.П. Аникин справедливо замечает: «В науке многосторонне и основательно разработаны пословицы и поговорки. Этого нельзя сказать о сходных с ними, но отличающихся от них других произведениях афористического склада» [Аникин 2001: 238].

Ученый называет всю сферу устойчивых словосочетаний и выражений термином *паремика* и относит ее к сфере так называемого «общемировоззренческого неопрядового фольклора» (к которому, помимо

Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

E-mail: kafrus@rambler.ru

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого»

пр-т Ленина, д. 125, Тула, 300026, Россия

Tula state pedagogical University

125, Pr-t Lenina, Tula, 300026, Russian Federation

паремий, принадлежат явления устной не-сказочной прозы и песенный эпос).

Из всех рассматриваемых В.П. Аникиным конкретных жанров паремии интересующие нас явления по сверхфразовой структуре коррелируют лишь с побасенками, которые ученый определяет следующим образом: «...малого объема диалоги, сценки, характерные ситуации и положения, воссоздающие коллизии и обстоятельства с установкой на ироничную иносказательную оценку в речи подобных реальных» [Аникин 2001: 248].

Очевидно, что такая корреляция представляет собой большую натяжку и выглядит формальной, так как основана только на внешней характеристике — диалогическом единстве, но не на их содержательной стороне.

Термин побасенка в научной традиции фольклористики имеет достаточно размытое толкование, в вариантах которого общим семантическим звеном является определенная сюжетная разветвленность (что к нашему случаю явно не относится). Сравним несколько определений побасенки: 1) народный анекдот, короткий занимательный рассказ, иногда меткое слово, поговорка [КЛЭ 1968, 5: 813]; 2) краткий забавный занимательный рассказ (бытовые сказки, анекдоты, небылицы) [СЛТ 1974: 271].

Обращает на себя внимание широкий разброс отсылочных толкований: от сказки, занимательного рассказа и анекдота до меткого слова. Показательно, что в «Краткой литературной энциклопедии» побасенка трактуется как синоним к словам *побаска* и *прибаутка*, помещаемым в той же статье в круглых скобках после инициального слова. Следовательно, в практике фольклористики есть определенное смешение терминологии, которое затрудняет отнесение тех или иных явлений малого фольклора к конкретному жанру. Фольклорист Е.А. Костюхин, например, вообще не выделяет подобных явлений (побасенок и прибауток) среди жанров малого фольклора, включая в него только пословицы, поговорки, заговоры и загадки [Костюхин 2004: 228–250].

Исследователь отмечает, что границей между устным народным творчеством и языковой фразеологией является собственно фразеологизм: все, что больше фразеологизма по структуре и значению, — то принадлежит сфере народного творчества.

Однако и это утверждение, как и разграничение малых жанров устного народного творчества, не является истиной в последней инстанции. Известны лингвистические подходы к паремиям, ведущие свое начало от наблюдений В.И. Даля (например, вполне убедительные и научно выдержанные словари пословиц и поговорок В.П. Жукова, Р.И. Яранцева, В.И. Зимина и др.).

Языковеды также отмечают, что в сфере словосочетаний, фраз и сверхфразовых единств «народная речь — живая и диффузная стихия, где пословицы, поговорки и меткие ходячие выражения многих поколений активно воспроизводятся, заново обрабатываются и переосмысливаются» [Вальтер, Мокиенко 2005: 4]. Тем не менее поиск ответа на вопрос о статусе рифмованных фраз-присловий нужно искать в сфере сугубо лингвистических подходов, где попытки терминологической дифференциации более частотны и логичны, чем в фольклористике.

Наиболее взвешенным, продуманным и масштабным по охвату явлений здесь можно считать семиотический подход к паремиям и шире — клише разного рода, — высказанный Г.Л. Пермяковым. Представим краткий обзор этого подхода.

Г.Л. Пермяков противопоставляет две группы паремий. С одной стороны, поговорки, пословицы и побасенки, с другой — афоризмы, присловья и анекдоты. Это противопоставление осуществляется им на основании прямой и образной мотивировки. Ученый отмечает, что образные клише бывают трех типов: незамкнутое предложение, пополняемое из речевого контекста (поговорка); замкнутое предложение, состоящее из одних постоянных членов (пословица); сверхфразовое единство — сценка (побасенка).

Паремии, по Пермякову, могут существовать в двух видах — как с прямой, так и с образной мотивировкой. При этом они сопоставимы друг с другом. Существует определенное соотношение названных выше образных клише с аналогичными по структуре клише прямой мотивировки. Ср. (примеры Пермякова):

Сорванное яблоко обратно не прирастет (пословица) — Каждый доволен своим умом (афоризм);

Оставь корову сено сторожить (поговорка) — Звонит, как пустой кувшин (присловье);

Верблюду сказали: «Поздравляем, тебя сам царь вызвал!» «Знаю, — ответил тот, — или в Кохб за солью пошлет, или в Шарур за рисом» (побасенка);

«Отец, долго ли нам еще терпеть такую бедность?» «Сорок дней» «А потом?» «Привыкнем» (анекдот) [Пермяков 2001: 15–16].

Как уже отмечалось, «каждый из названных типов изречений разделяется на два подтипа, отличающихся один от другого характером мотивировки их общего значения.

К одному из них — с образной мотивировкой — относятся клише, общий смысл которых непосредственно не вытекает из смысла составляющих эти клише слов, а связан с ними через образ, например: *Без луны звезды светят ярче* (т.е. в отсутствие лучшего худшее становится более привлекательным)... Другой подтип — с прямой мотивировкой общего значения — включает в себя клише, смысл которых непосредственно вытекает из смысла составляющих эти клише слов: *Каждый доволен своим умом, или Сколько мудрецов — столько мнений...*» [Пермяков 1970: 11–12] Перед нами пословица и афоризм. Они структурируются замкнутыми предложениями. Кличе, образующие незамкнутые предложения, — это поговорки и присловья. Кличе этого типа «с прямой мотивировкой общего значения» Г.Л. Пермяков предлагает называть *присловьями*.

Во-первых, «это слово как термин пока “свободно”, причем обычно употребляется в том же смысле, что и “поговорка”»; во-вторых, «подавляющее большинство клише этого вида, имеющих прямой смысл, представляют собой разные сравнительные обороты — прилагательные или приименные, т.е. состоящие при каком-нибудь слове (ср., например: *Звонит, как пустой кувшин*)...» [Там же: 12]. Заметим, что В.И. Даль считал присловьями типы прозвищ, относящиеся к жителям определенной местности, вроде *вятичи-слепороды, ярославцы белотелые, рязанцы копузые* и т.п. [Даль 2000: 12].

Побасенки, по Пермякову, представляют собой (изображают) одну элементарную сценку и состоят из ремарки и реплики персонажа или небольшого диалога персонажей, также обычно сопровождаемого ремарками: *Ослу сказали: «Давай отведем тебя в рай!» Он спросил: «А там есть чертополох?»*

«Никакого предварительного знакомства с персонажами (экспозиции), никакого развития действия (завязки,

кульминации и развязки), т.е. никакой фабулы и сюжета здесь нет и в помине. Представлена одна небольшая “одноментная” сценка — и всё. Как правило, побасенка состоит из реплик (или реплики) персонажей и “авторских” ремарок (или ремарки).

Побасенка, даже самая протяженная, может быть без какой-либо утраты смысла и образов передана одним разговорным предложением» [Пермяков 1970: 56–57].

Побасенке соответствует клише прямого смысла — анекдот. «Из сказанного не следует, что анекдоты... не имеют или не могут иметь переносного смысла. Могут и часто имеют. Но их общее значение основывается на реальном содержании текста, а в самом этом тексте говорится якобы о правдоподобных вещах, будто бы имевших место в действительности» [Там же: 59].

«...Некоторые из входящих в указанный ряд клише представляют собой знаки отдельных вещей или понятий и выступают в качестве элементов предложения, другие — являются знаками отношений между вещами (т.е. знаками ситуаций) и выступают в виде отдельных предложений или их цепочек разной длины и сложности» [Там же: 75].

Побасенки, по Г.Л. Пермякову, включают клише, формально представляющие собой сверхфразовые единства и являющиеся (как и пословицы) знаками ситуаций в противоположность устойчивым единицам более низкого уровня, служащим знаками вещей.

По смысловой спаянности образные клише всех типов тяготеют к синтетизму, а клише прямого смысла — к аналитизму.

«...Аналитические клише имеют иную, чем пословицы и поговорки, систему логической трансформации. У них, например, принципиально не может быть логически несовместимых трансформов. Исключение составляют лишь суеверные приметы (или поверья), поскольку они не основаны на правилах логики, да отдельные случаи, связанные с изменением взглядов на тот или иной предмет.

...В аналитических клише по сравнению с пословицами совершенно иную роль играют реалии, которые выступают здесь не в качестве образов, а в своем основном значении.

Примерно то же самое, но с поправками “на специфичность” можно сказать и о других аналитических клише, формально

сходных с пословицами и поговорками, а именно о скороговорках (вроде *Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под попом, поп под колпаком*), пустоговорках (типа *Я бы и того, да вишь жена не того, уж и я растово*) и некоторых сказочных формулах, представляющих отдельные вспомогательные конструктивные элементы, главным образом соединительные (вроде *[Имярек] шел, шел и повстречал [того-то]* и т.п.)» [Пермяков 1970: 86–87].

Таким образом, в системе Г.Л. Пермякова выстраиваются следующие типы клише, связанные по вертикали иерархическими отношениями и отношениями вещного/ситуативного представления о мире, по горизонтали — отношениями прямой/образной мотивировки:

Знаки вещей:		
фразеологизм	—	«красное словцо»
поговорка	—	присловье
загадка	—	шуточный вопрос
Знаки ситуаций:		
пословица	—	афоризм
побасенка	—	анекдот
басня	—	шванк
сказка	—	новелла

Ученый вписывает в общую теорию клише как устойчивые языковые единицы, так и жанры устного народного творчества — в традиционном их понимании. Оставляя в стороне дискуссии о возможности общей теории клише, отметим убедительность самой номенклатуры, предлагаемой Пермяковым, которая позволяет дифференцировать различные явления этого рода.

В данной номенклатуре отсутствует понятие прибаутки. На наш взгляд, для рифмованных фраз-присловий данный термин подходит в максимальной степени. Необходимо отметить, что в фольклористике нет единого и убедительного определения этого жанра. Так, Н.И. Савушкина

замечает, что «это малый жанр фольклора. Диалог, сценка, обращение, смешной эпизод, построенный на алогизме... прибаутка основана на гиперболе, оксюмороны или метатезе» [КЛЭ 1968, 5: 971]. Э.В. Померанцева, в свою очередь, называет прибауткой «поговорочное выражение, острое или забавное словцо, забавное сочетание слов, пустобайку» [СЛТ 1974: 293]. В свое время, характеризуя «околопословичные жанры», В.И. Даль относил к прибауткам профессиональные приговорки из речи ямщиков, пирожников, сбитенщиков и т.д. [Даль 2000: 12]. Кроме того, к прибауткам относят устойчивые элементы языка сказок (зачины, концовки), явления словесной игры и др.

Ни одно из названных определений нельзя принять безусловно, однако сама этимология и внутренняя форма слова *прибаутка* показывают его семантику: приставка *при-* (в значении ‘добавление, прибавление’) в соединении с глаголом *баять*, т.е. ‘говорить’ [Шанский, Боброва 1997: 253]. Таким образом, прибаутка — это «приговорка», «договорка» к сказанному самим говорящим или его собеседником. Рассматриваемые нами единицы как раз и являются добавлением, присоединением рифменного характера к конкретному слову, которые, по уже упоминавшемуся принципу незанятости (отсутствия четкой закреплённости) термина, могут быть вполне названы прибаутками. Таков, с нашей точки зрения, их паремиологический статус.

В качестве важнейших характеристик прибауток необходимо отметить следующее.

Они представляют собой явление промежуточного научного плана между языкознанием и литературоведением. С одной стороны, это жанр фольклора, отражающий творческий потенциал носителей языка (т.е. паремия), с другой — это предмет лингвистического (фразеологического) изучения. Сравним общепринятые разграничения фразеологизма и паремии, представив их в таблице:

Фразеологизм	Паремия
1) знак вещи	1) знак ситуации
2) единый смысл	2) расчлененный смысл
3) отсутствие логического контекста	3) присутствие логического контекста
4) невозможность логических трансформаций	4) возможность логической трансформации

Фразеологизм	Паремия
5) единая синтаксическая роль	5) различные синтаксические роли
6) подобие части речи	6) самостоятельность частеречной природы составляющих

Очевидно, что прибаутки совмещают в себе черты собственно фразеологизмов и паремий, поскольку обладают явной самостоятельностью компонентов, синтаксической расчлененностью, присутствием логического контекста и трансформационными возможностями. Но при этом они отличаются единым смыслом. Часть из них является знаком отдельной вещи, названной конкретным словом; другие могут быть знаком ситуации (Ср.: *Бедная — Худая да бледная* и *Зачем? — За спросом. А за спрос — в нос*).

К названным характеристикам прибаутки необходимо добавить следующее.

1. Прибаутки обладают определенными специфическими чертами, отличающими их от фразеологизмов и паремий. В частности, они не составляют единой фразы. Как правило, одна часть говорится первым человеком, другая — содержит вербальную реакцию второго человека (или в речи одного человека повторяется последнее слово собеседника и дается «реакция» на него). Но прибаутки не ответы в строгом смысле, так как в первой реплике не сформулирован вопрос; это присловные реакции с обязательной рифмой (в отличие от так называемых «ответных фразеореplik»). Прибаутка — фраза в диалоге, с рифмой к последнему слову собеседника, взятая с этим опорным словом.

2. В отличие от паремий, прибаутка не имеет нравоучительного и дидактического характера (*Готово — Дочь попова; Вроде — Володи: похож на тарантас*). В этом отношении прибаутка напоминает пустобайку (по терминологии В.И. Даля): сложена складно, но без большого смысла, иногда просто ради рифмы. Она реализует естественную творческую потребность говорящего, а следовательно, может носить окказиональный характер, быть распространенной в речевом опыте одной семьи, одного населенного пункта и т.п. Однако выдвинутый В.М. Мокиенко принцип структурно-семантического моделирования во фразеологии и паремиологии часто позволяет вскрыть единую основу многих подобных единиц: звуковая переключка, ироничное переосмысление слов и др.

3. Прибаутки могут относиться к клише как прямой, так и образной мотивировки фразового уровня. Ср.: *Молодец — Против ягнят да овец, а против другого молодца сам овца* (прямая мотивировка) и *Бывает — И у девицы муж умирает, а у вдовицы живет* (образная мотивировка через оксюморон).

4. У прибауток обязательно присутствие слова-опоры, которое относится к двум типам. Во-первых, такое слово может составлять обязательную структурно-смысловую часть следующей фразы, т.е. прибаутка в таком случае — это парцеллированная часть единой со словом-опорой фразы, например: *Молодец — Против ягнят да овец, а против другого молодца сам овца*. Во-вторых, слово-опора может быть лишь поводом для абсолютно самостоятельной фразы, которая не входит ни в какую общую синтаксическую структуру с опорным словом, например: *Жарко — Приедет Макарка на новой тележке, на новой кобылке*.

5. Прибаутка обязательно наделена оценочностью. Такая оценочность, как правило, носит негативный характер. В целом прибаутки нарочито «приземлены» и касаются повседневных, чаще обиходных ситуаций, в которых нередко проявляются далеко не лучшие стороны человеческого характера: зависть, раздражительность, вспыльчивость, подозрительность и др. В этом отношении прибаутки, как пословицы и «антипословицы», отражают и светлые, и темные стороны русского человека (например, явно неодобрительны по отношению к собеседнику широко распространенные прибаутки: *Говорят — Что кур доят; Поняла — Отчего кобыла хвост подняла*). Как неоднократно отмечали паремиологи, рифмованные выражения в народной речи гораздо чаще отражают нарушения созданных обществом идеалов, норм и табу, т.е. «работают в сторону негатива».

6. Смысл прибаутки чаще ироничный: опора и присловная фраза имеют противоположную лексическую семантику (например, *Красивая — Как кобыла сивая*). Реже прибаутка содержит добавление мысли к опорному слову как знак несогласия. Ирония в таком случае лишена лексического основания и вычитывается

имплицитно (например, *Тепло — Из носа потекло; Значит — Пристяжная скачет, козенная не везет*).

7. Прибаутка может выступать как отгослок более крупного клише (известного жанра народного творчества), например сказки. В таком качестве выступают прибаутки к словам в детских навязчивых просьбах: *Расскажи сказку! — Дед съел замазку; Расскажи сказку про утку! — Она ушла в будку*. Эти прибаутки по смыслу контрастируют с традиционными сказочными зачинами: не разворачивают, а сворачивают возможное сказочное действие.

В заключение следует сказать, что прибаутки, конечно, не самое яркое явление русской народной речи и относятся к паремиологической периферии. Но вместе с тем они отражают важные ее свойства (в том числе воплощение негативных смыслов и коннотаций). Как показывают материалы экспедиций, прибаутки продолжают оставаться живым речевым явлением, вбирающим в себя, если пользоваться словами В.И. Даля, «откровения душевной простоты» народа.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин В.П. Русское устное народное творчество. — М., 2001.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. — СПб., 2005.

Даль В.И. Пословицы русского народа. — М., 2000.

Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. — М., 2004.

Краткая литературная энциклопедия. — М., 1968. — Т. 5 (КЛЭ).

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). — М., 1970.

Пермяков Г.Л. Основы функциональной паремиологии. — М., 1988.

Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. — М., 2001.

Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева. — М., 1974 (СЛТ).

Шанский Н. М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. — М., 1997.

REFERENCES

Anikin V.P. Russkoe ustnoe narodnoe tvorчество, Moskva, 2001.

Val'ter Kh., Mokienko V.M. Antiposlovitsy russkogo naroda, Sankt-Petersburg., 2005.

Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda, Moskva, 2000.

Kostyukhin E.A. Lektsii po russkomu fol'kloru, Moskva, 2004.

Kratkaya literaturnaya entsiklopediya, vol. 5, Moskva, 1968.

Permyakov G.L. Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchei teorii klishe), Moskva, 1970.

Permyakov G.L. Osnovy funktsional'noi paremiologii, Moskva, 1988.

Permyakov G.L. Poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka, Moskva, 2001.

Slovar' literaturovedcheskikh terminov, ed. L.I. Timofeev i S.V. Turaev, Moskva, 1974.

Shanskii N. M., Bobrova T.A. Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka, Moskva, 1997.

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ

Вопрос: В современной речи часто используется слово *спам*. Например, *пометить как спам*. Каково его происхождение? (А.А. Довгий, г. Иркутск)

Ответ: Слово *спам* (*spam*) заимствовано из английского языка. Оно впервые было зафиксировано в 1936 г. По происхождению это аббревиатура *SPiced ham*. Слово служило товарным знаком для мясных консервов и фарша. Термин *спам* появился в Интернете после телешоу актеров из группы Monty Python, которые неоднократно использовали в представлении рекламу колбасного фарша Spam (в их скетче это слово повторялось 108 раз). Существительное *спам* в интернет-коммуникации постепенно приобрело значение «тексты рекламного характера, назойливо рассылаемые по электронной почте лицам, не выразившим желания их получать». От существительного *спам* образовано производное со значением лица: *спамеры* — распространители спама.